

ПРОШЛОЕ
ВСЕГДА
РЯДОМ

ОСЯЗАНИЕ

ТАЙНА СПИТ В ПРЕДМЕТАХ.
А ОНИ — В ЛЮДЯХ.

— OroDelOro —

Oro Del Oro

Осязание

«Автор»

2026

Oro O.

Осязание / О. Oro — «Автор», 2026

Современный мегаполис, где в теневом мире веками правят древние магические кланы, маскирующиеся под крупный бизнес. Главная героиня скрывает свой редкий дар — она умеет «видеть» прошлое вещей через прикосновение и тайно работает в архивном отделе полиции. Всё меняется, когда в городе происходит серия загадочных похищений, и ее насильно привлекают к расследованию в качестве эксперта. Её куратором становится глава самого опасного и мрачного клана города. Чтобы выжить и спасти невинных, им придется заключить фиктивный союз, который быстро перерастает в опасное притяжение.

© Oro O., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Осязание	5
Глава 1. Архив	6
Глава 2. Предложение, от которого нельзя отказаться	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Oro Del Oro

Осязание

Осязание

Романтези. Глава 1

Глава 1. Архив

Правило первое: никогда не снимай перчатки там, где есть вещи.

Правило второе: вещи есть везде.

Я придумала эти правила в девятнадцать лет, на третий день после похорон бабушки, и с тех пор не нарушала ни разу. Если подумать, это личный рекорд. Люди не выдерживают диету до понедельника, а я двенадцать лет держусь за тонкую чёрную лайку и две запасные пары в сумке — на случай, если мир решит закончиться, а я окажусь без защиты.

Архивный отдел городского управления полиции занимал цокольный этаж здания, которое строили для чего-то куда более благородного: страхового общества, купеческого собрания, может быть, чьей-то непомерной гордыни. Лепнина на потолке, паркет «ёлочкой», гулкое эхо в коридорах и стеллажи, стеллажи, стеллажи — километры серых картонных коробок. Окна у нас были на уровне тротуара. Я работала там четыре года и научилась узнавать город по ботинкам: вот каблучки секретарши из отдела кадров, вот жёлтые кроссовки курьера, вот вечно мокрые башмаки дворника Рашида, который принципиально не признаёт, что в этом городе существуют зонты.

— Юлечка, чай? — спросил Пал Палыч, не поднимая головы от описи.

— Если он не успел остыть вместе с вашей любовью к порядку, то да.

— Колкая вы девушка.

— Это стиль, Пал Палыч. Некоторые носят шарфы, я ношу колкости.

Он хмыкнул. Пал Палычу было семьдесят два, он носил жилет поверх рубашки и вязанный кардиган поверх жилета и считал, что вещи надо любить. Он говорил это каждый день, и каждый день мне приходилось сдерживаться, чтобы не ответить: «Любить — это когда к ним прикасаются, Пал Палыч. А я предпочитаю дистанцию».

Дело в том, что для него вещи были просто вещами. Для меня они были радиоприёмниками, которые невозможно выключить.

Я никому об этом не рассказывала. Бабушка называла это «слышать», а я — «ловить», потому что «слышать» звучит так, будто тебя при этом хоть немножко спрашивают. Дотронешься до дверной ручки — и на секунду тебя там нет, а есть чужая рука, чужая спешка, чужая злость на опаздывающий автобус. Дотронешься до чашки — и вот ты уже семь лет как овдовевшая женщина, которая пьёт чай и никого не ждёт. Кожа к коже, без прослойки, и всё, что предмет помнит, течёт в тебя без разрешения. Перчатки спасали. Не полностью, но достаточно, чтобы я могла жить, а не сидеть в углу, зажмурившись.

Поэтому — архив. Здесь все вещи были упакованы, подписаны и убраны в коробки. Чужие трагедии лежали в пакетах с бирками, и никто не требовал их пожать. Лучшая работа на свете для человека вроде меня, пусть даже платили за неё так, как платят за любовь к ближнему.

Нет, я не жалуюсь. Я просто говорю, что в тот вторник у меня был план: закончить опись по делу о краже из ювелирного салона девяносто восьмого года, выпить чай, дойти до дома под дождём и сделать вид, что у меня есть личная жизнь.

В двенадцать сорок на лестнице послышались шаги.

Я узнала их раньше, чем увидела владельца: тяжёлые, торопливые, шаги человека, который не спал двое суток и злится на каждую ступеньку за то, что их так много. Капитан Сорокин. Он был из следственного, из тех немногих, кто спускался к нам не по приказу, а по делу.

— Палыч, Юля, спасайте.

Он вошёл, встряхнулся, как мокрый пёс, и поставил на стол коробку. Обычную, картонную, с красной полосой по краю: «вещественные доказательства, временное хранение».

— У вас лаборатория есть, — заметила я.

— Была. — Сорокин провёл ладонью по лицу. — Вчера ночью в соседнем крыле пропало трубу. Вода по колено, оборудование под замену, экспертиза встала на неделю, не меньше. А у меня третий пропавший, Юль. Третий.

Я знала. Знал весь город, хотя газеты и осторожничали с формулировками.

Шесть недель назад исчез нотариус Громов: вышел из конторы на Садовой, сел в машину — и машина нашлась через два дня в соседнем районе, пустая, с работающим двигателем и полным баком. Через три недели студентка консерватории Алина Ветрова: репетиционный класс, запертая изнутри дверь, скрипка на стуле и никаких следов. А вчера утром ученик нашёл открытой мастерскую реставратора икон Матвея Ильича Сомова: чайник ещё тёплый, а хозяина нет.

Ничего общего. Ни возраста, ни круга общения, ни денег, ни врагов. Только то, что исчезли они без шума, без крови и без свидетелей, словно их аккуратно вынули из города, как занозу.

— Что в коробке? — спросил Пал Палыч.

— Всё, что взяли в мастерской. Отпечатков нет, следов нет, вообще ничего нет. — Сорокин поморщился. — Кроме вот этого. Нашли под батареей, в пыли. Не Сомова. Вернее, понятия не имеем чьё.

Он вынул из коробки прозрачный пакет с биркой. Внутри лежала пуговица: тёмная, роговая, с монету величиной, с обрывком чёрной нити в ушке.

Обычная пуговица. Я посмотрела на неё и почувствовала странное, будто в комнате на градус упала температура.

— Оформите по описи, пусть полежит, пока не починят лабораторию, — сказал Сорокин. — А если вдруг появится какая-то идея, любая... вы же знаете, архив — это память. Может, было что-то похожее раньше. В старых делах.

— Было, — тихо сказал Пал Палыч. — Но, голубчик, мы же с вами уже искали.

Они оба замолчали, и я поняла, что ничего не знаю про эти «поиски». Что-то в их паузе было слишком старательным, слишком вежливо отвернувшимся. Я заметила это — и привычно сделала вид, что не заметила. В нашем городе есть вопросы, которые не стоит задавать в здании с гербом на фасаде.

— Давайте я, — сказала я и взяла коробку.

Опись, формуляр, бирка, полка 14-Б, секция «временное». Работа на пять минут. Я встала на стремянку, чтобы убрать коробку на верхнюю полку, и тут Пал Палыч, не в силах молчать, окликнул меня:

— Юлечка, а пакетик-то у вас надорван!

Я посмотрела вниз. Он был прав: шов на пакете разошёлся, и пуговица, повинаясь той самой подлости, которую физики называют законом всемирного тяготения, а остальные — законом бутерброда, выскользнула.

Я поймала её.

Рефлекс. Левая рука сама рванулась вниз и сомкнулась в кулак. И только в ту же секунду до меня дошло, что на левой перчатке, на указательном пальце, есть дыра. Та самая, которую я собиралась зашить ещё в понедельник.

Роговая пуговица была холодной, как лёд, и в этот миг мир ушёл у меня из-под ног.

Сначала был холод.

Не уличный, не тот, что пробирает до костей на набережной в ноябре. Другой: глубокий, каменный, подвальный. Он стоял в воздухе, как вода в колодце. Потом пришёл звук: капли, равномерные и гулкие, будто кто-то отсчитывал время на медленном метрономе. Потом запах: сырость, воск, ладан и что-то ещё, резкое, аптечное, от чего першило в горле.

Я была не я. Я была чужими руками, старыми, в пятнах охры и олифы, с обломанными ногтями. Они вцепились в тёмную ткань, в лацкан пальто, и рванули изо всех сил. Что-то

треснуло. Нитки, пуговица, миг свободного падения — и пол, камень, звон, как от упавшей монеты.

Над нами стоял человек. Лица я не видела: за его спиной горела единственная лампа, и свет делал силуэт плоским, вырезанным из чёрной бумаги. Только руку. Левую. Она легла на плечо старика почти бережно, и на пальце блеснул перстень с тёмным камнем, в котором будто плавала вторая, внутренняя ночь.

— Тише, Матвей Ильич, — сказал голос. Спокойный, глуховатый, без злобы. Голос человека, который не торопится, потому что торопиться некуда. — Вам ничего не сделают. Вы дорога, не цель.

— Кто... — выдохнул старик, и я почувствовала его страх как собственный: липкий, кислый, с привкусом меди.

— Нужен слышащий, — сказал голос, и в этой фразе не было вопроса. — Остальные — только дорога.

Лампа качнулась. Холод ударил в лицо.

И я вернулась.

Я лежала на паркете у подножия стремянки, а над головой плыла лепнина: гирлянды, розы, амурчик с отбитым носом, которого я знала четыре года и ни разу не видела снизу. Пал Палыч стоял рядом на коленях и держал меня за запястье, как врач из старого фильма. Сорокин возвышался над ним с лицом человека, который смотрит на фокус и понимает, что это не фокус.

Пуговица лежала в паре шагов на паркете. Я посмотрела на левую руку. Дыра на указательном пальце перчатки смотрела на меня, как насмешливый глаз.

— Юля, — сказал Сорокин. — Юль. Ты как?

— Хорошо, — сказала я. Голос был чужой, севший. — Всё хорошо. Давление, наверное. Не обедала.

— Ты упала со стремянки?

— Нет. Да. Не знаю.

— Ты минуты три лежала с открытыми глазами, — медленно произнёс он, — и говорила. Холод прошёл по спине, уже не от видения.

— Что я говорила?

— «Левша. Перстень с чёрным камнем. Нужен слышащий, остальные только дорога». — Сорокин не отводил от меня взгляда. — Двадцать лет в следственном, Юль. Людям не «показывается» так. Людям показывается, что они забыли выключить утюг. А ты назвала руку, которой он держал старика.

Я открыла рот, чтобы выдать что-нибудь вроде «это я где-то читала», но ничего не придумалось. Ирония, моя верная броня, осталась лежать где-то там, на мокром камне, рядом с чужой пуговицей.

— Капитан, — тихо сказал Пал Палыч.

Он говорил так, как не говорил никогда: без шутки, без «голубчика». Он смотрел не на Сорокина, а на окно. Туда, под самый потолок, где в узкой полоске между стеной и тротуаром виднелись ботинки прохожих.

Я тоже посмотрела.

Ботинки были чёрные, начищенные до зеркала, дорогие настолько, что на такие можно было бы купить мою квартиру. Они не шли. Они стояли. И судя по тому, что стояли давно, их владельца не волновали ни дождь, ни время, ни то, что он торчит у окна полицейского архива.

Я знала в этом городе всех по обуви. Таких ботинок на нашей улице не носили.

— Никому, — сказал Сорокин вдруг очень тихо. Он тоже увидел. — Ни слова. Ни Палычу, ни начальству, ни маме. Я сам. Я... разберусь.

— Капитан, — повторил Пал Палыч, — боюсь, уже поздно.

Ботинки в окне наконец пошевелились и ушли.

* * *

Домой я возвращалась пешком, потому что в метро слишком много поручней.

Дождь шёл тот самый, питерский, из тех, что не льют и не капают, а висят в воздухе ввесью, и город в нём становится акварелью, которую кто-то неаккуратно смазал рукавом. Фонари зажглись рано. Каналы стояли чёрные и тихие, и в них, дрожа, отражались окна, за которыми жили нормальные люди с нормальными проблемами вроде счетов за свет.

Я шла и считала шаги. Это помогало. Сто, двести, триста.

Я не должна была говорить вслух. За двенадцать лет — ни одной оговорки, ни одного промаха. Бабушка сказала мне за неделю до конца, и я запомнила каждое слово, потому что это было последнее, что она сказала внятно: «Девочка, в этом городе есть люди, которым твой дар понадобится. Не доставайся им. Спрячься».

Я спряталась. Я была хорошей ученицей.

И всё равно кто-то стоял под окном.

Нет. Сначала про видение. «Нужен слышащий». Слышащий — это слово бабушки. Не «экстрасенс», не «медиум», не «психометрист», как писали в тех двух книжках, которые я рискнула прочитать в университетской библиотеке. Слышащий. Тот, кто слышит вещи. Слово, которого нет в книгах, потому что его передают только из уст в уста.

Нотариус. Студентка. Реставратор. Дорога.

Я вдруг очень ясно поняла, куда она ведёт, эта дорога, и остановилась посреди моста, вцепившись в мокрые перила. Через перчатки металл не почувствовал меня, а я его, и слава богу.

Дома я заперла дверь на оба замка, поставила чайник, зашила дыру в перчатке — аккуратно, мелкими стежками, так, как учила бабушка, — и только потом позволила себе сесть. Квартира на последнем этаже дома-колодца, сорок два метра, окно во двор, где вечно играет чужая музыка. Мой маленький бункер.

В половине двенадцатого в дверь постучали.

Не позвонили. Постучали — три раза, размеренно и негромко, как стучат люди, которым не нужно ломать дверь, потому что им и так откроют.

Я выключила свет, подошла к двери и приложила глаз к глазку.

На площадке стоял мужчина в длинном тёмном пальто, высокий, с неприметным лицом из тех, что забываются через минуту. Он стоял спокойно, сложив руки перед собой, и ждал. Я посмотрела вниз и увидела ботинки. Чёрные, начищенные до зеркала.

— Юлия Андреевна, — сказал он, не повышая голоса, но каждое слово прошло сквозь дверь так, будто двери не было. — Прошу прощения за поздний визит. Меня зовут Артём. Я представляю холдинг «Нокт».

Я знала это имя. Весь город знал, хотя мало кто произносил его вслух, а те, кто произносил, оглядывались. Стеклянная башня над рекой, чёрная, холодная, как лезвие. Деньги, которым не нужно доказывать, что они есть. И то, что стоит за деньгами, о чём шептались дворянские тётки и городские сумасшедшие: полночники. Клан, который правит этим городом дольше, чем стоят его мосты.

— Вы ошиблись квартирой, — сказала я. Голос не дрогнул, и я мысленно себя похвалила.

— Нет, — мягко ответил он. — Сегодня днём вы взяли в руки пуговицу.

Тишина. Чайник за моей спиной щёлкнул и выключился.

— Господин Дамиан хочет с вами поговорить, — продолжил Артём. — Это не приглашение, Юлия Андреевна. Но мы стараемся, чтобы звучало как приглашение. Машина внизу. Телефон лучше оставить дома. И, прошу вас, возьмите перчатки.

Он сказал это просто, будто речь шла о зонте. Будто знал про них всё.

Я стояла в темноте, прижавшись лбом к холодному дереву, и слышала, как где-то внизу, во дворе-колодце, заводится двигатель. Низкий, ровный, дорогой.

Правило первое: никогда не снимай перчатки там, где есть вещи.

Правило второе: вещи есть везде.

Правило третье я придумала в ту самую секунду и ещё не знала, как скоро мне придётся его нарушить: никому нельзя верить, пока не коснёшься его руки.

Я надела обе перчатки. Проверила швы. И открыла дверь.

Глава 2. Предложение, от которого нельзя отказаться

Машина оказалась не чёрной. Это была первая мелочь, которая меня задела: я ждала лаковый катафалк с тонированными стёклами, а передо мной стоял тёмно-серый седан, неприметный, как костюм хорошего адвоката. Артём открыл заднюю дверь и подождал, пока я сяду, с таким видом, будто вёз меня на мамину дачу.

— Если вы собираетесь меня убить, — сказала я, — то хотя бы скажите заранее, чтобы я успела допить чай.

— Если бы мы собирались вас убить, Юлия Андреевна, вы бы уже были допиты. Вместе с чаем.

— Это должно было меня успокоить?

— Это должно было быть честным.

Я решила, что он мне нравится. Это был тревожный знак, и я постаралась больше так не думать.

Мы ехали через ночной город. Я смотрела на него в стекло и, как всегда, считала: мосты, повороты, мокрый гранит набережных, купол собора, на мгновение вспыхнувший золотом в разрыве туч. Телефон я оставила дома, как просили, и чувствовала себя голой. Перчатки, по крайней мере, были на мне. Я сжимала одну руку другой, как студентка перед экзаменом.

Башню «Нокт» видели все, но рядом с ней никто не стоял. Она торчала над правым берегом реки, стеклянная, чёрная, без единой вывески. Только внизу, у входа, тонкими серебристыми буквами было выведено слово, которое можно было принять за название страховой компании. Ни охраны, ни турникетов, ни ресепшена. Просто дверь, которая открылась, когда мы подошли, и лифт, который уже ждал.

— Тридцать девятый этаж, — сказал Артём.

— А почему не сороковой?

— Сороковой он не любит.

Я хотела спросить почему, но двери закрылись, и лифт пошёл вверх так плавно, что желудок остался внизу не от скорости, а от понимания: назад я поеду уже другой.

Тридцать девятый этаж не был офисом. Я ждала переговорных, стеклянных перегородок, дорогих кресел. Вместо этого мы вышли в длинную галерею с тёмным паркетом, где свет шёл не от ламп, а от чего-то вроде отражений, мягких и рассеянных, будто город внизу сам отдавал им своё сияние. На стенах ни одной картины. Только окна от пола до потолка и ночь за ними, огромная, живая, со всеми мостами и каналами, лежащая внизу, как карта, которую кто-то разгладил ладонью.

И вещи.

Я почувствовала их раньше, чем увидела: тихий гул на самой границе слышимости, будто в каждом предмете этого этажа сидел один и тот же невидимый шмель. Перила, дверные ручки, край подоконника. Я шла по коридору, спрятав руки в карманы пальто, и чувствовала, как на затылке встают волоски. Даже сквозь одежду. Даже сквозь воздух.

Это были не воспоминания. В архиве вещи шепчут. Здесь они гудели, одной нотой, низкой и глубокой, как большой колокол под водой.

— Вам нехорошо? — спросил Артём, не оборачиваясь.

— Нет. — Я сглотнула. — Просто высота.

— Разумеется, — вежливо сказал он, и я поняла, что он не поверил ни одному слову.

Двойные двери в конце галереи были из тёмного дерева. Перед ними он остановился.

— Три совета, — сказал Артём. — Не пытайтесь его очаровать: не получится, и он будет раздражаться. Не лгите: получится ещё хуже. И не снимайте перчаток.

— Спасибо. Три совета по бесплатной подписке?

— Первый и последний бесплатные, — ответил он и открыл дверь.

Кабинет был огромным и почти пустым: стол из тёмного камня, два кресла, диван вдоль стены, на котором, кажется, никто никогда не сидел. Ни фотографий, ни растений, ни единой бумажки. Только окно от пола до потолка, а перед окном спиной к двери стоял человек.

Он не обернулся.

— Юлия Андреевна Лебедева, — сказал он. Голос был низкий, ровный, без интонации, как будто он зачитывал строчку из досье. — Тридцать один год. Архивист третьей категории, четыре года в управлении, два до этого в городском архиве, до этого филологический факультет. Родителей нет, бабушка умерла двенадцать лет назад. Ни долгов, ни кошки, ни мужчины.

— Орхидея, — сказала я.

Он помолчал.

— Простите?

— Вы забыли орхидею. Правда, она в прошлом месяце умерла, так что формально вы правы.

Тишина длилась ровно столько, чтобы я успела пожалеть о сказанном. Потом он повернулся.

Я много раз представляла себе людей из этих башен. Рисовала их лощёными, с перстнями и сигарами, с холодными улыбками, как в дешёвых романах, которые читают в метро. Он был другим. Высокий, сухой, в чёрной рубашке с закатанными до локтя рукавами, без галстука, без пиджака, без единого украшения. Тёмные волосы чуть длиннее, чем принято, резкие скулы, лицо человека, который умеет молчать так, что тебе становится неловко. Глаза цвета мокрого сланца. Ему могло быть тридцать пять, а могло быть и триста; сказать наверняка я бы не взялась.

Он посмотрел на меня.

Нет. Не на меня. На мои руки.

Так другие смотрят на лицо: изучающе, оценивающе, по-хозяйски. На левую перчатку, на мелкие аккуратные стежки на указательном пальце. Мне захотелось спрятать руки за спину, но я заставила себя стоять ровно.

— Дамиан, — сказал он. — Для вас этого достаточно.

— А для вас достаточно «Юлии Андреевны»?

— Для меня достаточно всего, что вы мне дадите. — Он указал на кресло. — Сядьте.

— Я бы лучше постояла.

— Тогда стойте. — Он обошёл стол и сел сам. — Сегодня в тринадцать часов семь минут вы взяли в руки предмет, который шесть недель держали в руках три десятка человек. Полицейские, эксперты, двое моих людей. Все они видели пуговицу. Вы увидели то, что от неё осталось. Мне нужно знать, как это работает.

— Вы же знаете про орхидею. Узнаете и это.

— Я знаю, что происходит. Я не знаю, как. Это разные вещи.

Он сказал это без раздражения, просто констатируя факт, как говорят о погоде. И это было хуже, чем если бы он повысил голос. Передо мной сидел человек, для которого я была задачей. Интересной, возможно. Полезной, скорее всего. Но не человеком.

Я села. Не потому что он приказал, а потому что ноги, если честно, держали меня неважно.

— Хорошо, — сказала я. — Допустим, я что-то видела. Что дальше?

— Дальше вы расскажете мне всё, что запомнили. Слово в слово.

Я рассказала. Холод, капли, руки старика, голос. «Нужен слышащий. Остальные — только дорога». Перстень с тёмным камнем. Левая рука. Я говорила, глядя на его стол, и ни разу не подняла глаз, потому что боялась запнуться.

Когда я закончила, в комнате стало тихо так, как бывает перед грозой.

— Перстень, — сказал Дамиан наконец. — Опишите камень.

— Чёрный. Матовый, но внутри... — я поискала слово. — Как будто там вторая ночь. Что-то плавает.

Он поднял правую руку и положил её на стол ладонью вниз. На безымянном пальце сидел перстень. Простой, серебряный, с чёрным камнем, в котором, если смотреть прямо, ничего не было, а если краем глаза, то где-то в глубине медленно двигалась темнота.

У меня похолодели пальцы.

— Ночной камень, — сказал он. — Его носят сорок один человек на свете. Все они принадлежат моему клану.

— То есть тот, кто держал старика...

— Из моих. — Он не произнёс это, а скорее выложил на стол, как карту. — Или кто-то очень хочет, чтобы я так думал. В обоих случаях мне нужно знать, кто.

— Он левша, — зачем-то сказала я. — А вы...

— Правша. — Уголок его рта дрогнул, и это было первое движение на его лице за весь вечер. — Вы подозреваете меня?

— Я подозреваю всех, у кого есть башня и ночной камень.

— Разумно. — Он откинулся на спинку кресла. — Слово «слышащий» вы тоже не из книг взяли.

Я промолчала.

— В нашем мире его знают. Слышащие рождаются редко, не чаще одного в поколение, и последнюю, как считалось, потеряли тридцать лет назад. — Он смотрел на меня не мигая. — Три дома. Мой, Дом Рассвета и Речной. К вечеру о вас знали все три. Моего человека у окна архива вы заметили. Второго, в светлых ботинках, нет. Он ушёл на минуту позже и работает на Рассветных.

Светлые ботинки. Я, которая узнавала город по обуви. Я смотрела в то окно целый день, и всё равно не видела.

Мне стало по-настоящему страшно, впервые за этот вечер.

— Вот поэтому, — продолжил Дамиан, — вы сидите в этом кресле, а не в другом. Я оказался быстрее на сорок минут. Рассветные вежливее меня, Юлия Андреевна, и гораздо лучше воспитаны. Они бы пришли утром с цветами и контрактом на очень выгодных условиях. А потом вы бы просто перестали существовать как человек и стали функцией. Я, по крайней мере, честен.

— Это вы называете честностью?

— Я называю это перечнем фактов. — Он сложил пальцы домиком. — Первое: за вами охотятся двое, и один из них, возможно, тот, кто увёл троих людей. Второе: единственный способ остановить охоту — публично показать, что вы под защитой. Третье: у нас есть старая процедура.

— Процедура.

— Заручительство. — Он произнёс слово так, будто оно стояло в словаре. — Человека можно взять «под руку дома». Это значит, что тот, кто его тронет, объявляет войну дому. Формула не применялась сто двадцать лет, но она не отменена. И она требует публичного знака.

— Какого?

— Вы объявляетесь моей невестой.

Я рассмеялась. Это вышло само, коротко и нервно, и я тут же прикусила щёку. Он смотрел на меня невозмутимо.

— Вы шутите.

— Я не умею.

— Невестой по договору, — уточнил Артём откуда-то из угла. Я вздрогнула: не заметила, что он всё это время стоял у двери. — Срок действия до окончания дела. Затем вы свободны.

— Затем я свободна, — повторила я. — Звучит как приговор с отсрочкой.

— Звучит как контракт. — Дамиан не улыбнулся. — Вы получаете защиту дома «Нокт», доступ к материалам, которые полиция давно закопала, и возможность найти того, кто увёл Сомова. Я получаю вашу руку.

— Мою руку.

— Вашу способность. Но она неотделима от руки, так что да.

— Если я правильно понимаю, вы предлагаете мне стать вашим инструментом, а в качестве обёртки — фиктивную помолвку.

— Вы очень точно формулируете. — Что-то мелькнуло в его глазах. Одобрение? Раздражение? — Именно.

— Инструмент, — сказала я, — не торгуется.

— Этот пока торгуется. — Он чуть повёл подбородком. — Продолжайте.

Я начала загибать пальцы, потому что иначе они дрожали.

— Первое. Я остаюсь в архиве. Это моя работа, и я не собираюсь бросать её из-за того, что какой-то холдинг решил, будто я ему нужна.

— Приказ о вашем прикомандировании к следственной группе в качестве эксперта подписан сегодня в семь вечера. Вы будете числиться в архиве и работать по делу. Это закрывает первое.

— В семь вечера? — Я уставилась на него. — Вы подписали его, ни о чём меня не спросив?

— Я предположил, что вы согласитесь.

— Это не было предположением.

— Нет.

Его честность почти обезоруживала. Почти.

— Второе. Мои руки принадлежат мне. Никто не просит меня снять перчатки, никто не берёт меня за руку без спроса, никто не сует мне вещь, чтобы «посмотреть, что получится». Если надо, я решаю сама и снимаю сама. Не раньше.

Пауза. Дольше, чем я ожидала.

— Принято.

— Третье. Всё, что вы знаете об этом деле. Без купюр.

— Всё, что необходимо для расследования.

— Всё.

— Нет.

— Тогда договора не будет.

В кабинете стало тихо. Не просто тихо, а тихо до звона. Я вдруг заметила, что гул, висевший в комнате с самого начала, тот низкий колокольный гул, изменился. Он стал на полтона ниже. Так бывает, когда человек выпрямляется, и ему больше нечего скрывать.

— Вы торгуетесь, — медленно произнёс Дамиан, — с человеком, который может закрыть ваш отдел, вашу ставку и вашу жизнь.

— Можете, — согласилась я. Голос, к моему удивлению, не дрожал. — Но тогда вы не получите руку. А руку вы хотите куда сильнее, чем меня напугать. Иначе я бы сейчас сидела не в кресле, а в подвале. Вы же сами сказали: честность.

Артём в углу кашлянул, и мне показалось, что это не кашель, а подавленный смешок.

Дамиан молчал так долго, что я успела сосчитать собственное сердцебиение. Двадцать три удара.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Всё. Но с одним условием: без меня вы ничего не предпринимаете.

— Это не условие, это поводок.

— Это техника безопасности. Вы одна, Юлия Андреевна. Рассветные и Речные ищут вас обе, и я не могу позволить себе потерять вас, пока вы мне нужны.

Пока вы мне нужны. Я услышала этот оборот, и он мне не понравился ровно настолько, насколько надо, чтобы я его запомнила.

— Пока я вам нужна, — повторила я. — Хорошо. Тогда по рукам.

Я думала, он кивнёт. Вместо этого он встал, обошёл стол и протянул мне правую руку. Ту самую, с перстнем.

Я не сразу поняла, что мне предлагают. Потом поднялась и вложила свою ладонь в перчатке в его.

Это длилось секунду. Может быть, меньше.

Гул, ровный, как дыхание огромного зверя, ударил в меня сквозь тонкую лайку. Не воспоминание, не картинка, а ощущение: невероятная, бескрайняя усталость и ночь, много ночей подряд. И что-то ещё, глубоко под ними, тёплое и очень одинокое, о чём я совсем не хотела знать.

Я выдернула руку так быстро, что едва не потеряла равновесие.

Он не пошевелился. Только смотрел на меня чуть прищурившись.

— Вы побледнели.

— Старая перчатка, — сказала я. — Холодный металл. Кольцо.

Он знал, что я лгу. Я поняла это по тому, как он слегка наклонил голову, как человек, который откладывает неудобный факт в папку «потом». Но кивнул только:

— Артём проводит вас. Утром в девять за вами заедет капитан Сорокин. Он в курсе, я говорил с ним сегодня вечером. Он согласился не от страха, не думайте. От отчаяния. Это лучшая мотивация.

— Вы со всеми так разговариваете?

— Нет. На вас я потратил сорок минут. Обычно хватает пяти.

— Мне должно льстить?

— Не должно.

В лифте Артём молчал до двадцатого этажа. Потом сказал, глядя в зеркальную стену:

— За семь лет, что я здесь работаю, он ни разу не протянул руку первым.

— Может, у него просто плохие манеры.

— Может быть, — согласился Артём. И не улыбнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.